

«ПРОГРЕСС» КАК ИДЕОЛОГЕМА СЛАВЯНОФИЛЬСКО-ЗАПАДНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Л.Г. Чапаева

Аннотация. История слова «прогресс» в русском языке привлекала внимание лингвистов, тем не менее история развития его современного значения с положительной коннотацией требует дальнейшего изучения и уточнения. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в контексте общественного дискурса 30–40-х гг. XIX в. лексема «прогресс» предстает как идеологема, маркер этого дискурса. Характеристика «движения» семантики данного слова особенно важна при составлении словаря языка XIX в., над которым работает Институт лингвистических исследований РАН. В словнике словаря слово «прогресс» пока отсутствует. В данной статье прослеживается история заимствования лексемы «прогресс», отраженная как в узусе, так и в словарях с момента ее заимствования до 60-х гг. XIX в. Фоном развития семантики слова являются споры славянофилов и западников, особенно тексты В.Г. Белинского. Символами и знаками, обозначающими западников 30–40-х гг., стали новые иноязычные заимствования, сопутствующие развитию идеологической мысли русского общества. Для западников время предстает как процесс замены старого новым, поэтому для них столь важно понятие прогресса. В статье показано, как меняется семантическое наполнение лексемы — от первоначального значения ‘успех’, ‘прибыток’ к значению ‘движение’, затем ‘развитие’ и, наконец, ‘совершенствование в процессе развития’. Результаты наблюдений и семантического анализа лексемы могут быть использованы как лексикографами, семасиологами, так и специалистами в области истории русского литературного языка.

Ключевые слова: идеологема, прогресс, семантика, славянофил, западник, дискурс, В.Г. Белинский

Для цитирования: Чапаева Л.Г. «Прогресс» как идеологема славянофильско-западнического дискурса // Преподаватель XXI век. 2025. № 4. Часть 2. С. 474–483. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-474-483

PROGRESS AS AN IDIOLOGEME OF SLAVOPHILE-WESTERNISM DISCOURSE

L.G. Chapaeva

Abstract. *The history of the word “прогресс” (progress) in the Russian language has attracted the attention of linguists, however, the history of its development of the modern meaning with a positive connotation requires further study and clarification. The relevance of this study stems from the fact that in the context of the public discourse of the 30–40s of the XIX century, the lexeme “прогресс” appears as an ideologeme, a marker of this discourse. The characteristic of the ‘movement’ of the semantics of this word becomes important in compiling a dictionary of the language of the 19th century, which is being compiled by the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. The word “прогресс” is not yet included into the dictionary. The article traces the history of borrowing the lexeme “прогресс”, reflected both in usage and in dictionaries from the time of borrowing until the 1860s. The background for the development of the word’s semantics is formed by the disputes between Slavophiles and Westernizers, especially the texts of V.G. Belinsky. The symbols and signs denoting Westernizers of the 30s and 40s were new foreign borrowings that accompanied the development of ideological thought in the Russian society. For Westernizers, time appears as a process of replacing the old with the new, which is why the concept of progress is so important to them. It is shown how the semantic content of the lexeme changes — from the initial meaning of ‘success’, ‘profit’ to the meaning of ‘movement’, then ‘development’ and, finally, ‘improvement in the process of development’. The results of observations and semantic analysis of the lexeme can be used by lexicographers, semasiologists, and specialists in the field of the history of the Russian literary language.*

Keywords: *ideologeme, progress, semantics, Slavophile, Westernizer, discourse, V.G. Belinsky*

Cite as: Chapaeva L.G. *Progress as an Ideologeme of Slavophile-Westernism Discourse. Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education.* 2025, No. 4, part 2, pp. 474–483. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-474-483

475

Лексема *прогресс* неоднократно привлекала внимание ученых-лингвистов. О ней писал Ю.С. Сорокин в фундаментальном труде 1965 г. [1], ей посвящена статья в историко-этимологическом словаре П. Я. Черных [2]. Тем не менее история развития у слова современного значения с положительной коннотацией требует дальнейшего изучения и уточнения в контексте того дискурса, который определял изменение в семантике заимствованных слов как идеологем.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в контексте общественного дискурса 30–40-х гг. XIX в. лексема *прогресс* предстает идеологемой, маркером этого дискурса. Характеристика «движения» семантики данного слова становится важной при составлении словаря языка XIX в., над которым в настоящее время работает Институт лингвистических исследований РАН. В словнике лексема *прогресс* пока отсутствует, однако данная лексическая единица относится к тем понятиям, значение которых, на первый взгляд, кажется понятным, но их узуальное функционирование оказывается противоречивым.

Цель статьи — проследить историю заимствования лексемы *прогресс*, отраженную как в узусе, так и в словарях с момента заимствования до 60-х гг. XIX в.; показать развитие семантики слова, которое проходило на фоне споров славянофилов и западников, и значимость в этом процессе текстов В.Г. Белинского. В связи с этим поставлены следующие задачи: 1) проследить историю заимствования лексемы *прогресс* с привлечением словарей; 2) показать изменение семантического наполнения слова, опираясь как на узус, так и на тексты В.Г. Белинского; 3) доказать, что в контексте общественного дискурса 30–40-х гг. XIX в. лексема *прогресс* предстает идеологемой, маркером этого дискурса.

Основные методы исследования: *описательный* и *текстологический*, поскольку значение лексемы формируется в письменном критическом дискурсе; *лексикографический* метод, так как привлекаются данные словарей, где определяется окончательная дефиниция понятия; а также *аналитический* метод. В качестве иллюстративного материала используются данные Национального корпуса русского языка¹.

В русистике вслед за А. Нойбертом идеологема определяется как «лингвистический инвариант с социальной релевантностью» (см.: [3, с. 20]). Понятие идеологемы разрабатывается также в трудах Н.А. Купиной, которая отмечает, что «идеологизация слов происходит с помощью догматических добавок: на традиционную семантику слова искусственно накладываются идеологические смыслы» [4, с. 14]. Еще В.В. Виноградов писал, что «в некоторых семантических группах отдельные, наиболее семантически весомые слова выступают в качестве семантических центров, вокруг которых группируются целые ряды слов и понятий», и иногда они «выражают основные, “боевые” понятия той или иной эпохи» [5, с. 990], т.е. становятся идеологемами, которые употребляются для обозначения идеологизированного смысла, передающего сущностные понятия определенного дискурса, в нашем случае дискурса, который отражает формирование в России идеологий славянофильства и западничества. Идеологемы оказываются своеобразными «парольными словами», которые отсылают «к ценностному тезаурусу того или иного группового субъекта политики» [6, с. 227]. При таком толковании идеологемы — это слово или составное наименование, в семантике которого есть идеологический компонент [4], а каждая идеология формирует свое «языковое поле», состоящее из набора идеологем. Таким образом, идеологемы приобретают значимость в конкретном контексте политического или идеологического дискурса. При этом идеологема нацелена на то, чтобы маркировать ту или иную идеологию, а не объяснить ее сущность.

Н.А. Купина выделяет следующие виды идеологем: 1) слово, смысл которого по-разному понимается или эмоционально окрашивается оппонентами; 2) именованья, которые используются только сторонниками определенных взглядов [там же]. Идеологема, употребленная в речи, отсылает к тому или иному мировоззрению, той или иной идеологической позиции, выступает маркером, знаком этой позиции. Возникновение и бытование отдельных слов оказывается связанным или обусловленным историко-культурным или историко-социальным фоном: слово получает специфическое осмысление, развивает вторичные значения, выступает в виде «клички, маркировки, ярлыка» [7, с. 15].

Суммируя вышесказанное, подчеркнем, что «термин *идеологема* мы употребляем для обозначения идеологизированного слова, отражающего сущностные понятия того

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

или иного идеологического течения, обладающего эмоциональной окрашенностью и функционирующего в славянофильско-западническом дискурсе» [8, с. 9].

Именно таким, по мнению В.В. Виноградова, оказалось слово *прогресс*², появление которого в русском языке было не просто еще одним заимствованием, а «привело к созданию и осознанию новых, связанных с понятием *прогресса* идей» [5, с. 990]. Ученый справедливо полагал, что в том значении, которое нам известно и в котором лексема функционирует в современном русском языке, слово *прогресс* пришло в 40-е гг. XIX в., а именно: ‘поступательное движение, совершенствование в процессе развития’ (см. [9, с. 1004]). И усваивалось это новое значение в спорах славянофилов и западников, формирующих идеологический дискурс середины XIX в. «Для языка общественной мысли характерна именно острота конфликта между разными взглядами на одно и то же. В роли алфавитов (букв) общественно-политических “исчислений” выступают ключевые слова и фразы, которые для разных общественных сил могут быть разными» [10, с. 8–9]. Общественно-политическому дискурсу как раз и свойственна оценочная биполярность.

Ю.С. Сорокин относит слово к той группе лексем, которые восходят к латинскому или греческому источнику, на почве французского языка получивших терминологическое значение и уже в этом значении усвоенных русским языком XIX в. (см. [1, с. 162]). Об этом же пишет и П.Я. Черных: «В русском литературном языке 2-й четверти XIX в. это слово было вторично заимствовано с Запада с новым значением ‘движение вперед, к лучшему, от низшего к высшему’» [2, с. 69–70]. Тем не менее, слову *прогресс* пришлось отстаивать это значение в русском общественном дискурсе 30–40-х гг. Дело в том, что само слово *прогресс* было известно уже в петровскую эпоху (на это указывает и Ю.С. Сорокин [1, с. 83]), но в значении ‘успех’; П.Я. Черных первоначальным значением считает ‘прибыль’, ‘прибыток’ ‘преуспевание’ [2, с. 70]. Обычно подразумеваются успехи в обучении, военных действиях. См., например: «Об екзерцициях военных можем сказать, что были весьма к *прогрессу* обучения его величеству и всем молодым людям» [Б.И. Куракин. Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях (1709)]; «Того ради в 1741-м году <...> за Помощию Божию, в Финляндии многия и благополучныя Ея Императорскаго Величества происходили военныя *прогрессы*, а притом было несколько городов взято» [А.И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)]. Любопытно, что подобное значение изредка отмечается и в первой половине XIX в., например у В.Г. Белинского. В письме 1838 г. К.С. Аксакову критик писал: «...и если я теперь замечаю в себе от времени до-времени значительные *прогрессы*, то ими обязан всё этому же событию в моей жизни» [11, т. 11, с. 214]. Или даже с уточнением значения ‘успех’: «Противники успехов (*прогресса*) жалуются, что, анализируя жизнь <...> мы лишаем себя возможности ею наслаждаться» [В.Н. Майков. Статьи из вып. 1 «Карманного словаря иностранных слов» (1845)]; в значении ‘изменение’: «*Прогресса* отрицательного весьма много, иначе, впрочем, и быть не может: все, что года могут дать, мне дано» [А.В. Дружинин. Дневник (1854)].

Кроме того, на протяжении XVIII и начала XIX в. слово *прогресс* находится в синонимических отношениях с вариантом *прогрессия*. *Прогрессия* преимущественно используется в качестве математического термина, но окончательная семантическая дифференциация этих слов происходит лишь к середине XIX в., во многом благодаря тому, что слово *прогресс* развивает свое новое общественно-политическое значение. Например,

² Все выделения курсивом слова *прогресс* в цитатах сделаны автором статьи.

И.В. Киреевский употребляет эти лексемы в одном и том же значении ‘успех’: «Ибо просвѣщеніе одинокое, Китайски отдѣленное, должно быть и Китайски ограниченное: въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ блага, ибо нѣтъ *прогрессіи*, нѣтъ того успѣха, который добывается только совокупными усилиями челоувѣчества» [И.В. Киреевский. Деятнадцатый век (1832)]; «Одна мысль отрицаетъ въ челоувѣкѣ всеобщность разума, *прогрессъ логическихъ выводовъ*, силу памяти, возможность словеснаго взаимодействія и т. п.» [Он же. Обозрение современного состоянія литературы (1845)]. См. и у К.С. Аксакова: «Россия, в понятіи европейскаго Запада, это варварская страна, это страшная, только матеріальная сила, грозящая подавить свободу мысли, просвѣщеніе, *преуспѣяніе (прогресс)* народов» [К.С. Аксаков. Статья в газету «Молва», № 4, 4 мая 1857 г.].

Символами и знаками, обозначающими западников 30–40-х гг., стали новые иноязычные заимствования, сопутствующие развитію идеологической мысли русскаго общества. Для западников время предстаетъ какъ процессъ замены стараго новымъ, поэтому для нихъ столь важно понятіе *прогресса*: «Исторія отождествлялась съ понятіемъ *прогресса*, время представлялось въ видѣ вектора, направленнаго въ лучшее будущее» [12, с. 79].

Главная роль въ западническомъ дискурсе принадлежитъ В.Г. Белинскому, именно онъ способствовалъ становленію въ русскомъ языкѣ новаго значенія слова *прогресс* съ его яркой идеологической окраской, переводящей лексему въ идеологему. Вліяніе В.Г. Белинскаго какъ критика и мыслителя было необычайно велико, что обеспечило сравнительно быструю популяризацию, помимо слова *прогресс*, многихъ введенныхъ имъ словъ: *солидарность*, *гуманность*, *цивилизация*, *цивилизованность*, *субъективность*, *объективность* и некоторыхъ другихъ.

Впервые слово *прогрессивно* встречается въ одной изъ раннихъ статей критика «Литературныя мечтанія» 1834 г., гдѣ онъ оцениваетъ ранніе повести Погодина. И въ данномъ случаѣ въ значеніи слова еще трудно увидѣть новыя смыслы: «Если бы г. Погодинъ прогрессивно возвышался въ своихъ повѣстяхъ...» [11, т. 1, с. 94]. Но постепенно акцентъ дѣлается на семѣ ‘движеніе’: «Въ ходѣ исторической мысли заключается *прогрессъ*» [тамъ же, т. 2, с. 86]; «...критика беспрестанно движется, идетъ впередъ, собираетъ для науки новыя матеріалы, новыя данныя. <...> и въ этомъ заключается ея *прогрессъ*» [тамъ же, с. 123]; «Каждое новое поколеніе есть зародышъ будущаго, которое должно сделаться настоящимъ, есть новая идея, готовая сменить старую идею. На этомъ и основанъ ходъ и *прогрессъ* челоувѣчества» [тамъ же, с. 368]. При этомъ движеніе можетъ быть не только впередъ: «До сихъ поръ мы жарко верили *прогрессу*, какъ ходу впередъ, а теперь намъ приходится верить *прогрессу*, какъ попятному движенію назадъ» [тамъ же, т. 4, с. 438]. Въ началѣ 1840-хъ гг. слово *прогресс* становится широко употребительнымъ, что отмѣчаетъ и В.Г. Белинский: «*Прогрессъ и движеніе* сдѣлались теперь словами ежедневными» (1842) [тамъ же, т. 6, с. 92]. Обратимъ вниманіе, что къ значенію ‘движеніе’ у лексемы *прогресс* добавляется сема ‘развитіе’: «Безъ стремленія къ бесконечному нѣтъ жизни, нѣтъ *развитія*, нѣтъ *прогресса*. Сущность развитія въ стремленіи и достиженіи» [тамъ же, т. 7, с. 180]. Прогрессивнымъ, по мнѣнію критика, можетъ оказаться нечто новое — въ исторіи, обществѣ, литературѣ. «Новымъ направленіемъ», напримеръ въ литературѣ, онъ поначалу называлъ творчество Кукольника и Бенедиктова и уточнялъ, что изъ-за этой новизны оно *прогрессивно*, такъ какъ «во всемъ новомъ всегда выражается стремленіе къ *прогрессу*, если не *прогрессъ*» [тамъ же, т. 8, с. 438].

Прогрессъ рассматривается В.Г. Белинскимъ одновременно и какъ цель, и какъ итогъ историческаго развитія, причемъ это развитіе можетъ осуществляться какъ сознательно,

«благородными деятелями», так и независимо от личностей, как естественный ход истории (см. [11, т. 8, с. 286]).

Тех западников, которых впоследствии отнесли к революционерам-демократам, противники стали называть *прогрессистами* [13, с. 225], поскольку для западничества в целом понятие *прогресса* было характерологической идеологемой, выражающей существенное содержание их общественно-политических взглядов³.

Противники западников и лично В.Г. Белинского отрицательно относились не только к слову *прогресс*, но и к заимствованиям в целом. Критику в статье «Взгляд на русскую литературу в 1847 году» [11, т. 10] пришлось подробно остановиться на необходимости этого слова для русского языка, выделив «особенный род врагов “прогресса” — тех, кто прекрасно понимает смысл и значение слова, но считает его политически идеологизированным [там же, т. 10, с. 281]. В 1840-х гг. слова *прогресс*, *прогрессист* в устах противников западников звучали как обвинение в крамоле, антигосударственной позиции. Граф А.Ф. Орлов в записке III отделению писал: «...вводя в русский язык без всякой надобности новые иностранные слова, например, *принципы*, *прогресс*, *доктрина*, *гуманность* и проч., они портят наш язык и с тем вместе пишут темно и двусмысленно; твердят о современных вопросах Запада, о “прогрессивном образовании”, разумея под *прогрессом* постепенное знакомство с теми идеями, которые управляют современной жизнью цивилизованных обществ <...>, но в молодом поколении они могут поселить мысль о политических вопросах Запада и коммунизма» [там же, т. 10, прим. 281, с. 460].

Поэт Н.Ф. Щербина, сочинявший эпиграммы и на славянофилов, и на западников, характеризуя одного из поэтов «нового направления», концентрированно использовал основные идеологемы западничества, в том числе и слово *прогресс*: «Это — благонамеренная, прогрессивная в гуманном и социалистическом направлении посредственность; это — канарейка, поющая с органчика социализма, пауперизма, гуманизма, *прогресса*, — канарейка, постоянно верная вначале принятому ею камертону» (см.: [13, с. 230]).

Несмотря на все нападки, В.Г. Белинский отстаивал незаменимость слова *прогресс*, он считал, что его смысл не может быть выражен словами *успех* или *поступательное движение*. Критик подчеркивал, что изменение не всегда ведет вперед: «*Прогресс* относится только к тому, что развивается само из себя. *Прогрессом* может быть и то, в чем вовсе нет успеха, приобретения <...>, и напротив, *прогрессом* может быть иногда неуспех, упадок, движение назад» [11, т. 10, с. 283]. И все-таки в главном западники под *прогрессом* понимали не просто поступательное движение, а движение к новому, лучшему по сравнению с настоящим. Лексема воспринималась как устойчивый термин идеологического дискурса, который вмещает в себя строго определенное значение и заменить его словами *успех* или *развитие* невозможно. «Слово “*прогресс*” отличается всею определенностью и точностью научного термина <...> И потому, пока не явится русского слова, которое бы вполне заменило его собою, мы будем употреблять слово “*прогресс*”», — писал В.Г. Белинский [там же].

Что касается филологических сочинений этого времени, то на фоне в целом отрицательного отношения к иноязычным заимствованиям, авторы выступали и против слова *прогресс*. Белинский отмечал: «Слово *прогресс* естественно должно было встретить

³ О взглядах славянофилов и западников см. подробнее: Чапаева Л. Г. Языковая рефлексия в спорах славянофилов и западников 1840-х годов. М.: МПГУ, 2019. 264 с.

особенную неприязнь к нему со стороны пуристов русского языка, которые возмущаются всяким иностранным словом, как ересью или расколом в ортодоксии родного языка» [11, т. 10, с. 281].

К.П. Зеленецкий, выделяя две группы заимствований, усвоенных письменным языком («классическое древнее наследие», преимущественно связанное с христианством, и собственно западноевропейские заимствования в области техники, военного дела, «гражданского и ученого быта»), не возражал против таких слов, как *эгоист, факт, национальный*, но отрицательно оценивает слова: *цивилизация, наивный, прогресс, реформа, кризис, манускрипт, эскиз, вояж, претензия, мораль, феномен, руины, резон, интерес (выгода), спектакль, принципы (начала), продукты (произведения), коллизия, экспрессия, манер (способ), сатисфакция, виктория, баталия, репутация* (см.: [14, с. 25–26]), т.е. как раз те идеологемы, которые характеризовали западнический дискурс. И.И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики» также выступал против многих идеологически окрашенных заимствований: «Должны быть изгоняемы слова, вводимые без всякой надобности, например *феномен, факт, цивилизация, прогресс, мораль, кризис, эффект, консеквентность, гуманный, интимный, импонировать, мистифицировать, концепировать, концепция* и т.п.» [15, с. 460]⁴.

М.Н. Загоскин, принадлежавший к кругу литераторов — сторонников теории «официальной народности», резко отрицательно относился к таким маркированным лексемам, ассоциировавшимся с западничеством, как *тенденция, цивилизация, прогресс, гуманность, космополитизм, беллетристика*. Пародируя речь западника, он пишет: «Я хотел бы инициировать (от франц. *Initier* — ‘посвящать, приобщать’. — Л.Ч.) тебя во все таинства гуманности, эксплуатировать тебя к цивилизации, но я вижу, что в тебе нет ни малейшей тенденции к прогрессу, потому что ты, ступидная (от франц. *Stupide* — ‘тупой’. — Л.Ч.) толпа, составлена вся из детей с отсталым понятием и ребяческими взглядами» [16, с. 429].

М.А. Дмитриев в воспоминаниях писал, что «единственным прогрессом, происшедшим от свободы», он считает «всеобщее пьянство и грабежи» [17, с. 439].

Вопреки критике к середине XIX в. слово *прогресс* «становится настолько злободневным и выразительным, что в конце 1850-х гг., по царскому распоряжению, запрещено было употреблять его в официальных бумагах» [5, с. 991]. В 1858 г. слово *прогресс* было официально запрещено по требованию Александра II: «Государь Император, по прочтении помещенного в журнале Еврейского Комитета представления бывшего господина Министра финансов, по статье об отмене разных ограничений, которые, стесняя промышленность и торговлю, препятствуют общей народной деятельности и, как сказано в бумаге Министерства “находятся в противоречии с **прогрессом** гражданственности”, Высочайше соизволил начертать Собственноручно следующую отметку карандашом: “Что за *прогресс*!!! прошу слова этого не употреблять в официальных бумагах» [Д.Н. Блудов. Отношение Е.П. Ковалевскому (1858)]. Но в печати лексема *прогресс* уже не встречала сопротивления, ее используют как газеты и журналы прогрессивной направленности, так и консервативные источники⁵.

⁴ См. также: Чапаева Л.Г. Указ. соч. С. 172.

⁵ О роли печати в усвоении заимствованной лексики см. публикации И.Б. Дягилевой, одного из авторов Словаря русского языка XIX века: Дягилева И.Б. Динамика заимствования в русской газетной публицистике первой половины XIX века // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. № 3. С. 28–41; К проблеме источников «Словаря русского языка XIX века» // История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 192–198.

К 1860-м гг. слово *прогресс* становится хорошо освоенным в русском языке и лексема находит, наконец, отражение в словарях, правда, с устаревшей орфографией, но точным смыслом: «ПРОГРЕСЪ м. латынск. умственное и нравственное движение впередъ; сила образования, просвѣщенія; болѣе въ знач. политическомъ, свобода; взглядъ и понятія или притязанія на полную свободу. *Прогрессистъ, -тка*, кто держится этого убѣжденія, идти со временемъ, вѣкомъ, врагъ застою, косности» [18, с. 478].

Таким образом, в статье: 1) прослежена история заимствования лексемы *прогресс*, отраженная как в узусе, так и в словарях, с момента заимствования до 60-х гг. XIX в.; 2) показано изменение семантического наполнения лексемы с опорой на узус и на тексты В.Г. Белинского — от первоначального значения ‘успех’, ‘прибыток’ к значению ‘движение’, затем ‘развитие’ и, наконец, ‘совершенствование в процессе развития’, а если учесть дефиницию в словаре В.И. Даля, то за этим словом скрываются дополнительные идеологические смыслы: ‘сила образования’ и даже ‘свобода’; 3) обоснована идея о том, что в контексте общественного дискурса 30–40-х гг. XIX в. лексема *прогресс* представит идеологемой, маркером этого дискурса, поскольку фоном развития семантики слова являются споры славянофилов и западников, в той или иной степени отраженные в их трудах. Понятие прогресса не просто приобретает семантическую однозначность, но становится термином идеологического, политического и исторического дискурсов.

Результаты наблюдений и семантического анализа лексемы могут быть использованы как лексикографами, семасиологами, так и специалистами в области истории русского литературного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: (30–90-х гг. XIX века). М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
2. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1993. 560 с.
3. Крючкова Т.Б. Язык и идеология (К вопросу об отражении идеологии в языке): дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 226 с.
4. Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 176 с.
5. Виноградов В.В. История слов / отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. М.: Толк, 1999. 1138 с.
6. Шейгал Е.И., Бакумова Е.В. Идеологема как средство идентификации политика // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы Всероссийской научной конференции. Пенза, 15–19 мая 2001 г. М.; Пенза, 2001. С. 227–230.
7. Словарь русского языка XIX века: проект. СПб.: Наука, 2002. 209 с.
8. Чапаева Л.Г. Идеологический дискурс 1830–1840-х гг.: явные и скрытые смыслы лингво-идеологем // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. 2010. № 22 (601). С. 9–18.
9. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с.
10. Денисов П.Н. Очерки по языку русской общественной мысли. Язык русской общественной мысли конца XIX — первой половины XX в. М.: МАЛП, 1998. 185 с.

11. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. / ред. коллегия: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д.Д. Благой и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
12. *Щукин В.А.* Русское западничество сороковых годов XIX века как общественно-литературное явление. Krakow: Nakladem uniwersytetu Jagiellonskiego, 1987. 167 с.
13. *Галахов А.Д.* Записки человека / вст. статья, сост. и коммент. В.М. Боковой. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 448 с.
14. *Зеленецкий К.П.* Об особенностях языка русского и об отношении его к языкам западно-европейским. Речь, читанная в торжественном собрании Ришельевского лицея в Одессе. Одесса: тип. Т. Неймана и К°, 1848. 29 с.
15. *Давыдов И.И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб.: тип. Акад. наук, 1852. XII, 462, 29 с.
16. *Загоскин М.Н.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1988. 825 с.
17. *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К.Г. Боленко и др. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 749 с.
18. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 556 с.

REFERENCES

1. Sorokin Ju.S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: (30–90-h gg. XIX veka)* [The Development of the Vocabulary of the Russian Literary Language: (30–90s of the XIX Century)]. Moscow; Leningrad, Nauka, 1965, 565 p. (in Russ.)
2. Chernyh P.Ja. *Istoriko-etimologicheskij slovar russkogo yazyka, v 2 t., t. 2* [Russian Historical and Etymological Dictionary, in 2 vols., vol. 2]. Moscow, Russkij jazyk, 1993, 560 p. (in Russ.)
3. Krjuchkova T.B. *Jazyk i ideologija (K voprosu ob otrazhenii ideologii v jazyke)* [Language and Ideology (On the Question of the Reflection of Ideology in Language)]: PhD Dissertation (Philology). Moscow, 1975, 226 p. (in Russ.)
4. Kupina N.A. *Jazykovoe soprotivlenie v kontekste totalitarnoj kultury* [Linguistic Resistance in the Context of Totalitarian Culture]. Yekaterinburg, Ural Publishing House University, 1999, 176 p. (in Russ.)
5. Vinogradov V.V. *Istorija slov, otv. red. chl.-korr. RAN N.Yu. Shvedova* [The History of Words], ed. by Corresponding Member RAS N.Yu. Shvedova. Moscow, Tolk Publ., 1999, 1138 p. (in Russ.)
6. Shejgal E.I., Bakumova E.V. Ideologema kak sredstvo identifikacii politika [Ideologeme as a means of policy identification]. In: *Jazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty* [Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects]: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Penza, May 15–19, 2001. Moscow; Penza, 2001, pp. 227–230 (in Russ.)
7. *Slovar russkogo yazyka XIX veka: Proekt* [Dictionary of the Russian Language of the XIX Century: A Project]. St. Petersburg, Nauka, 2002, 209 p. (in Russ.)
8. Chapaeva L.G. Ideologicheskij diskurs 1830–1840-h gg.: javnye i skrytye smysly lingvoideologem [Ideological Discourse of the 1830s and 1840s: Explicit and Hidden Meanings of Linguoideologems], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo un-ta* = Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 2010, No. 22 (601), pp. 9–18. (in Russ.)
9. *Bolshoj tolkovyj slovar russkogo yazyka, gl. red. S.A. Kuznetsov* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language, chief ed. S.A. Kuznetsov]. St. Petersburg, Norint, 2002, 1536 p. (in Russ.)

10. Denisov P.N. *Ocherki po yazyku russkoj obshchestvennoj mysli. Yazyk russkoj obshchestvennoj mysli konca XIX — pervoj poloviny XX vv.* [Essays on the Language of Russian Social Thought. The Language of Russian Social Thought of the Late 19th — First Half of the 20th Centuries]. Moscow, MALP, 1998, 185 p. (in Russ.)
11. Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.], eds. by N.F. Belchikov (chief editor), D.D. Blagoy, et al. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953–1959. (in Russ.)
12. Shchukin V.A. *Russkoe zapadничество sorokovyh godov XIX veka kak obshchestvenno-literaturnoe javlenie* [Russian Westernism of the Forties of the XIX Century as a Socio-literary Phenomenon]. Krakow, Nakladem uniwersytetu Jagiellonskiego, 1987, 167 p. (in Russ.)
13. Galahov A.D. *Zapiski cheloveka, vst. statja, sost. i komment. V.M. Bokovoj* [Notes of a Man, vst. article, comp. and a comment by V.M. Bokova]. Moscow, New Literary Review, 1999, 448 p. (in Russ.)
14. Zeleneckij K.P. *Ob osobennostjah jazyka russkogo i ob otnoshenii ego k jazykam zapadnoevropejskim. Rech, chitannaja v torzhestvennom sobranii Risheljevskogo liceja v Odesse* [About the Peculiarities of the Russian Language and Its Relation to Western European Languages. A Speech Delivered at the Solemn Assembly of the Richelieu Lyceum in Odessa]. Odessa, Tip. T. Nejmana i K°, 1848, 29 p. (in Russ.)
15. Davydov I.I. *Opyt obshchesravnitelnoj grammatiki russkogo jazyka, izdannij Vtorym otdeleniem imp. Akademii nauk* [The Experience of General Comparative Grammar of the Russian Language, Published by the Second Department of the IMP. Academy of Sciences]. St. Petersburg, type Academy of Sciences, 1852, XI, 462, 29 p. (in Russ.)
16. Zagoskin M.N. *Sochineniya, v 2 t., t. 2* [Essays, in 2 vols., vol. 2]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1988, 825 p. (in Russ.)
17. Dmitriev M.A. *Glavy iz vospominanij moej zhizni* [Chapters from the Memories of My Life], text preparation and notes by K.G. Bolenko et al. Moscow, New Literary Review, 1998, 749 p. (in Russ.)
18. Dal V.I. *Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo jazyka, v 4 t., t. 3* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols., vol. 3]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National dictionaries, 1955, 556 p. (in Russ.)

Чапаева Любовь Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания им. И.Г. Добродомова, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, lg4@mail.ru

Lyubov G. Chapaeva, ScD in Philology, Full Professor, Professor, General Linguistics Department named after I.G. Dobrodomov, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, lg4@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.2025. Принята к публикации 10.05.2025

The paper was submitted 04.03.2025. Accepted for publication 10.05.2025